

На правах рукописи

Боташев Мурат Добаевич

**ИСКУССТВЕННОЕ РОДСТВО У КАРАЧАЕВЦЕВ
(XIX – XX вв.)**

Специальность 07.00.07
Этнография, этнология и антропология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва
2001

Работа выполнена в отделе Кавказа
ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Научный руководитель:

доктор исторических наук **Я.С. Смирнова**

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук **М.Д. Каракетов**,
кандидат исторических наук **Н.П. Лобачева**.

Ведущая организация:

Институт гуманитарных исследований

Защита _____ 2001 г. в _____ часов на заседании
диссертационного совета Д.002.117.01 по защите диссертаций на со-
искание ученой степени доктора исторических наук при Институте
этнологии и антропологии РАН по адресу: 117334, Москва, Ленин-
ский проспект, 32-а, корпус «В».

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института этноло-
гии и антропологии РАН.

Автореферат разослан «...» _____ 2001 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

А.Е. Тер-Саркисянц

1. Общая характеристика работы

Постановка проблемы и актуальность исследования.

Диссертация посвящена исследованию форм искусственного родства у карачаевцев в XIX – XX вв.

Актуальность выбранной нами темы обусловлена двумя причинами: научной и практической. Первая из них - это попытка приблизиться к пониманию феномена искусственного родства, его эволюции и роли в истории человечества. В этой связи особый интерес вызывают его функциональные особенности и формы проявления в различных историко-культурных областях и отдельных этнических средах на различных этапах человеческой истории. Пока мы не обладаем ни единой обобщающей монографией, посвященной искусственному родству на Северном Кавказе. Составить же объективную целостную картину по данной проблеме на основе научного анализа вряд ли возможно без тщательного изучения всех ее компонентов. Среди народов Северного Кавказа наименее изучена в этом плане система искусственного родства у карачаевцев, хотя и сегодня еще живы некоторые традиции его установления. Разнообразно обрядовое оформление, терминология и глубина возникающих при этом связей. Значимость работы определяется также пополнением новыми данными банка этнографических сведений о карачаевцах.

Вторая причина заключается в возможности практического применения полученных знаний в реальной жизни. Мы не раз являлись свидетелями того, как в новейшей истории России и зарубежных стран в силу тех или иных причин возрождались некоторые традиционные общественные институты, присущие прошлому. Примером, подтверждающим сказанное, могут служить попытки возрождения в некоторых северокавказских субъектах Российской Федерации института совета старейшин, кровной мести и др. Также можно отметить и тот факт, что в Карачае, несмотря на некоторые изменения в обрядовом оформлении, в силу потребности в искусственном родстве из-за сложных жизненных обстоятельств советского и постсоветского времени частично возрождены институты усыновления и побратимства.

Таким образом, изучение вопросов, связанных с функционированием искусственного родства, может служить основой для понимания многих проблем внутри- и межэтнического общения народов в постсоветской России. Результаты исследования позволяют глубже разобраться в некоторых социальных явлениях современной

жизни. Возможно также включение данных об искусственном родстве как части национальной культуры в курсы краеведения и истории культуры народов КЧР.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования являются карачаевцы, проживающие преимущественно в сельских районах Карачаево-Черкесской Республики и на сопредельных территориях Ставропольского края. Основные полевые исследования проводились в населенных пунктах Большого и Малого Карачая, а также в ауле Мирный Ставропольского края и г. Кисловодске.

Предмет исследования составляет искусственное родство у карачаевцев. Под искусственным родством (варианты: фиктивное родство, псевдородство, квазиродство) мы понимаем разновидность социального родства, строящегося по модели кровного родства и воспринимаемого как реальное. Искусственное родство выступает в формах адопции, побратимства и т.д. Применительно к карачаевцам правомерно говорить также о патронате, как об одной из конечных стадий казуальных форм искусственного родства. Подтверждением этого вывода служат некоторые сходные черты, и в частности терминология, свойственная патронату.

Хронологические рамки. Хронологически исследование охватывает XIX - XX вв. – период наиболее важнейших политических и социально-экономических преобразований в Карачае.

Начало XIX в. характеризовалось политической независимостью Карачая и сохранением его самобытной культуры: традиционных институтов власти, сословной иерархии, традиций. Завоевание в 1828 г. Карачая и его последующая интеграция в общероссийское политическое и экономическое пространство привнесли огромные изменения в общественную и культурную жизнь горцев. Крестьянская реформа 60-х гг. XIX в. сделала эти изменения необратимыми. Постепенно видоизменялись и к концу века ушли в прошлое такие традиционные институты, как аталычество, патронат и др.

Начало нового века было ознаменовано крушением политического строя в России и внедрением в горскую жизнь новой системы социальных взаимоотношений. Потрясения XX в. (Гражданская война и коллективизация, Отечественная война и депортация 1943 – 1957 гг., развал СССР и реформы постсоветской России) обусловили реституцию некоторых полузабытых и, казалось бы, безвозвратно ушедших в

прошлое форм искусственного родства, например, таких как индивидуальное побратимство.

В силу характера источников, которые не всегда точно указывают на время существования тех или иных обычаев искусственного родства и их трансформаций, в работе используются следующие условные обозначения основных хронологических периодов: древность – охватывает 14 -18 вв., прошлое – 19 – начало 20 вв., наше время – со второй половины 20 в. по настоящий момент.

Цель и задачи работы. Исследование ставит целью описать бытовавшие у карачаевцев формы искусственного родства, а также попытаться выявить их генезис и дальнейшую эволюцию. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи:

- реконструировать существовавшие в прошлом у карачаевцев формы искусственного родства и их виды;
- проанализировать материалы по искусственному родству у соседних народов и выявить степень соотношения эндогенных и экзогенных форм и видов искусственного родства у карачаевцев;
- сгруппировать карачаевские формы искусственного родства в соответствии с общепринятой в отечественной науке классификацией (адопция, побратимство (посестримство), патронат; казуальные и ocasionальные формы и т.д.)
- описать обычаи и обряды установления искусственного родства, выявить его причины, инициаторов и участников;
- выявить современные формы и обряды установления искусственного родства у карачаевцев, причины устойчивости некоторых традиций и реституции древних обычаев.

Методы исследования. В ходе работы применялись самые разнообразные методы. Базовым явился исторический подход к изучению искусственного родства как разновидности социального родства, широко распространенного в позднепервобытных и раннеклассовых обществах.

Основу исследования составляет сравнительно-исторический подход, реализуемый с помощью структурно-функционального и комплексного методов, позволяющих изучить заявленную проблему наиболее полно. Эти методы дают возможность проследить генезис, сродство и конвергенцию, выявить природные, исторические и другие факторы. Кроме того использована методика полной и частичной вертикальной трансформации культурных традиций. Автор пользовался также методами полевого исследования: стационарные

исследования, которые проводились в населенных пунктах Карачаево-Черкесии и Ставрополья.

Источники. Диссертационное исследование в значительной мере основано на фактическом материале, собранном автором в 1997-1998 гг. Полностью на результаты полевых исследований опирается характеристика повивального родства, патроната и современного побратимства. В работе использованы также материалы 1965 г., собранные учителем карачаевского языка и литературы М.Ю. Кипкеевой, а также широкий и разнообразный круг литературных источников.

Степень научной разработки проблемы. Исследованию форм искусственного родства горских народов Северного Кавказа посвящено значительное количество работ. Особое внимание привлекало аталычество - наиболее яркий и крупный обычай данной группы. Ему посвящены работы целого ряда отечественных и отчасти зарубежных ученых. Многие общественные и политические деятели прошлого также не обошли стороной этот необычный институт воспитания детей вне родной семьи. Всю массу материалов по северокавказскому искусственному родству можно разделить на несколько групп. Первые из них несут чисто описательный характер и составлены преимущественно путешественниками и миссионерами. В другую группу могут быть включены докладные записки военных и гражданских чиновников. И, наконец, последнее - это научные исследования. Однако, несмотря на огромное количество материалов, до сих пор нет крупной обобщающей монографии по аталычеству. Из работ, посвященных разработке проблем искусственного родства и его отдельных аспектов, следует назвать труды М.О. Косвена и В.К. Гарданова, концепция которых во многом устарела, а из современных лишь А.И. Першица, Я.С. Смирновой и С.Ш. Гаджиевой.

Для лучшего понимания феномена искусственного родства мы использовали также некоторые исследования, касающиеся отдельных аспектов воспитательства, усыновления и побратимства у кельтских, славянских, монгольских, тюркских и др. народов и прежде всего у народов Кавказа.

Имеющиеся в нашем распоряжении литературные источники и исследования мы нашли целесообразным характеризовать в хронологическом порядке. Это позволило, с одной стороны, четко проследить генезис и основные тенденции в изучении этнографии карачаево-балкарцев и, в частности, институтов искусственного родства, с дру-

гой – обойтись без многократных повторений авторов и источников, неизбежных в случае тематического структурирования историографии.

Находясь на разных исторических этапах в вассальной зависимости от различных тюркских политических систем (Хазарский каганат, Крымское ханство, Турция и т.д.), народы Северного Кавказа испытали сильнейшее влияние тюркской культуры. В этой связи особенно интересно проследить соотношение эндогенных и экзогенных причин существования некоторых форм искусственного родства и в том числе аталычества у горцев Кавказа. Это тем более интересно применительно к карачаевцам, если учитывать их принадлежность к тюркской этно-культурной общности. На существование обычая воспитательства у древних болгар, согласно которому ребенок до наступления совершеннолетия воспитывался у своего деда, указывал в 922 году арабский историк Ибн-Фадлан. Интересные сведения о роли атабеков и аталыков у тюрков Поволжья, Средней и Малой Азии мы находим в «Исламской энциклопедии», выпущенной в Стамбуле в 1936 году. Здесь же следует упомянуть и о работе А.А. Семенова «Бухарский трактат о чинах и званиях и об обязанностях носителей их в средневековой Бухаре», вышедшей в 1948 г. в журнале «Советское востоковедение», в которой упоминаются должности атабеков и аталыков в Бухарском ханстве. На существование обычая воспитательства у башкир указано в статье П. Назарова «К этнографии башкир» [//Этнографическое обозрение. М., 1890. №1]. Редкий материал по повивальному родству и побратимству у казахов содержится в сборнике документов по обычному праву тюрков Центральной Азии, составленном А.А. Никишенковым [Степной закон. Обычное право казахов, киргизов и туркмен. М., 2000], и статье Х. Аргынбаева «Семейно-брачные отношения» [//Казахи. Алматы, 1995]. На установление у гагаузов отношений молочного родства посредством первого кормления новорожденных указано в работе В.А. Мошкова «Гагаузы Бендерского уезда», опубликованной в «Этнографическом обозрении» (далее ЭО) №. 1 за 1900 г.

Наиболее ранним упоминанием об аталычестве на Северном Кавказе являются, видимо, сведения арабского ученого Ибн Халдуна, относящиеся к 1227 г. Несомненно ценны сведения об искусственном родстве, имеющиеся в общих трудах по Кавказу таких ученых, как Ф.И. Леонтович, В. Швецов, М.М. Ковалевский, А.М. Лодыженский и др.

Кроме того, в диссертационном исследовании использованы отдельные работы по кабардинцам, абхазам, ногайцам, кумыкам и, конечно, осетинам и балкарцам, чья традиционная обрядность очень близка карачаевской.

Сведения об аталычестве и свадебном скрывании в «другом доме» (по терминологии М.О. Косвена) у карачаевцев впервые были собраны в конце 1843 – начале 1844 годов начальником центра кавказской линии кн. Голицыным и опубликованы в 1882 г. в сводной работе Ф.И. Леонтовича «Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа» [Одесса, 1882. В. 1]. Материалы «Адатов» показывают, что в первой половине XIX в. аталычество у карачаево-балкарцев было широко распространено и носило исключительно сословный характер.

В документе от 1867 г., представляющем собой подробную перепись населения Баксанского ущелья и опубликованном в 1898 г. в работе Н.Г. Волковой «Этнокультурные контакты народов Горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX в.)» [//Кавказский этнографический сборник. М., 1989. В. 9], содержатся сведения о карачаево-балкарских аталыческих связях.

В 1880 году Г.С. Петров по итогам своей поездки в Карачай опубликовал статью «Верховья Кубани - Карачай» [//Памятная книжка Кубанской области, 1880. С. 132-133], в которой также указано на сословную составляющую института аталычества. В 1886 г. свои впечатления о быте аула Хасаут, населенном «горскими татарами», оставили И.И. Иванюков и М.М. Ковалевский в статье «У подошвы Эльбруса» [//Вестник Европы. СПб., 1886. № 1]. В работе содержатся ценные сведения об аталычестве и других видах искусственного родства (побратимстве, усыновлении и др.).

В 1892 г. вышла статья В.Я. Тепцова «По истокам Кубани и Терека» [СМОМПК, 1892. В. II], где содержится информация о свадебном скрывании (в том числе невест) в «другом доме», в роли хозяев которого может выступить также семья аталыка, и о возникающих при этом родственных отношениях. В конце XIX – начале XX веков в журнале «Этнографическое обозрение» выходят две работы Б.В. Миллера - «В Карачае» [//ЭО, 1899. № 1-2] и «Из области обычного права карачаевцев» [//ЭО. М., 1902. № 1], в которых содержится информация по интересующим нас вопросам. В первой, наиболее ценно замечание, что у карачаевцев аталычество «практикуется среди высших сословий: биев и узденей», которое также является

подтверждением нашей позиции, во второй - сведения об обычае усыновления кровника.

Значительный интерес представляет статья И.С. Щукина «Материалы для изучения карачаевцев» [//Русский антропологический журнал. М., 1913. № 1-2], в которой описана наиболее широко распространенная в Карачае присяга «прохождение под палкой» (*таякъ тюбюнден ётюу*) - обычай, которым оформлялось индивидуальное и коллективное усыновление и побратимство и т.д., здесь же говорится об экзогамии в карачаевских присяжных братствах - каумах и принятии в их состав новых членов, о роли в патронимической организации карачаевцев потенциальных родственников: повитухи и человека, снимавшего с лица невесты свадебную вуаль.

Ценные сведения об аталычестве, «палочной» присяге и «палочном» усыновлении, как о способе включения в состав патронимии новых членов приводятся в книге видного ученого и государственного деятеля 20 - 30-х годов У.Д. Алиева «Карачай» [Ростов-на-Дону, 1927]. Важно, что автор сам являлся свидетелем совершения в начале века обряда коллективной «палочной» присяги жителями а. Карт-Джурт.

В 1928 г. в «Записках Северо-Кавказского краевого горского НИИ» была опубликована статья А.Н. Дьячкова-Тарасова «Социальные формации Карачая и их современная экономическая мощность», в которой упоминается порядок включения в состав присяжных братств (он характеризует их термином «клан», что не верно) чужака посредством «палочного» усыновления его семейной общиной, входящей в данное братство.

В 1930 г. в статье «Обряд усыновления у кавказских народов» Г.Ф. Чурсин упоминает о бытовании молочного родства у карачаевцев, описывая обряд усыновления путем сосания груди женщины [//Бюллетень кавказского историко-архивного института в Тифлисе. Л., 1930. № 6].

В 1931 г. в 12 номере журнала «Революция и горец» (далее РГ) вышла статья Ислама Тамбиева - первого профессионального карачаевского историка - «О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации» с критикой некоторых положений У.Д. Алиева и А.Н. Дьячкова-Тарасова. В ней содержится ценная информация о карачаевских присяжных братствах (И.Тамбиев ошибочно характеризует их термином «фратрия»). Спустя год выходит другая его статья - «Рабство и феодализм в дореволюци-

онном Карачае» [//РГ, 1932. №4]. Здесь приводится терминология аталычества, а также высказывается мнение, что аталычество в Карачае выступало в качестве своего рода феодальной повинности.

Репрессии 30-х годов, война и депортация 1943-1957 гг. затормозили дальнейшее изучение истории и этнографии Карачая. После длительного перерыва в 1957 году появляется работа историка Х.О. Лайпанова «К истории карачаевцев и балкарцев», в которой приводится предание об усыновлении Карчай¹ «знатного свана Отарова».

Значительный интерес представляют труды В.П. Невской. В работе «Социально-экономическое развитие Карачая в XIX в. (Дореформенный период)» [Черкесск, 1960] она приводит сведения о роли и функции института аталычества в Карачае, карачаево-кабардинских аталыческих связях, усыновлении патронимией новых членов, о составе присяжных братств (она и все последующие ученые вслед за А.Н. Дьячковым-Тарасовым используют термин «клан») и др. В работе «Карачай в пореформенный период» [Ставрополь, 1964] В.П. Невская говорит об аталычестве как о форме «феодальной ренты», а в статье «Пережитки родовой общины и семейная община у карачаевцев в XIX веке» [//Труды Карачаево-Черкесского НИИ. В.6. Ставрополь, 1970.] она касается обычая принятия в род чужаков посредством «палочного» усыновления.

В монографии «Осетины» [М., 1967] Б.А. Калоев ставит вопрос о тюркских корнях кавказского аталычества, отмечая при этом, что проводником его на Северном Кавказе явились карачаево-балкарцы. Эта теория в последствии была поддержана и развита целым рядом ученых - филологов, этнографов, архелогов: Я.С. Смирновой [Семья и семейный быт народов Северного Кавказа XIX – первая половина XX века. М., 1983], В.М. Батчаевым и С.И. Вайнштейном [К проблеме кочевнического комплекса в традиционной культуре горцев Кавказа (Балкария и Карачай) //Этнография и современность. Нальчик, 1984], И.М. Мизиевым [Очерки истории и культуры Балкарии и Карачая XIII – XVIII вв. Нальчик, 1991], Х.Х. Биджиевым [Тюрки Северного Кавказа. Черкесск, 1993] и др.

Заслуживает внимания монография «Карачаевцы» [Черкесск, 1978], в которой рассматриваются вопросы «палочной» присяги и принятия в род, аталычества, свадебного скрывания в «другом доме»

¹ Согласно преданиям, Карчай - предводитель отряда крымских тюрков, мигрировавших на Кавказ и основавших здесь раннефеодальное государство «Карачай»; основатель княжеского присяжного братства «Къарча къауум».

и мн. др. В том же году была опубликована статья Я.С. Смирновой «Избегание и процесс его отмирания у народов Северного Кавказа», в которой есть пункты и по карачаевцам.

В 1988 г. вышел труд М.Ч. Кудаяева «Карачаево-балкарский свадебный обряд», в котором содержатся интересные сведения о статусе «другого дома», усыновленного, аталыка, человека, снимавшего вуаль с лица невесты, в патронимической организации карачаевцев и балкарцев. Кроме того, в работе приведен уникальный материал об обычае установления побратимства, побратимства-посестримства и посестримства (посредством питья напитка и исполнения ритуального танца «Ант» – «Клятва»). В том же году в сборнике «Свадебная обрядность у народов Карачаево-Черкесии: традиционное и новое» была опубликована статья И.М. Шаманова «Свадебные обряды карачаевцев», где мы почерпнули некоторые данные, касающиеся брачных ограничений у карачаевцев и обычая промежуточного поселения жениха в «другом доме».

В 1989 г. была опубликована статья Н.Г. Волковой «Этнокультурные контакты народов горного Кавказа в общественном быту (XIX – начало XX века)» [//КЭС. М., 1989. В. 9], где содержатся примеры аталыческих связей карачаевцев с кабардинцами и балкарцами, подтвержденные интересными архивными данными, рассматриваются некоторые аспекты усыновления и побратимства у карачаевцев. Бесспорным вкладом в изучении системы искусственного родства у народов Северного Кавказа явилась опубликованная в том же сборнике статья Я.С. Смирновой «Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция». Практически, это единственная работа, в которой на основе обобщения всех имевшихся на тот момент литературных сведений по искусственному родству у народов Северного Кавказа², дополненная обширным полевым материалом, собранным автором в течение 1959-1980 гг. во всех северокавказских субъектах Федерации и некоторыми архивными данными, разработана новая типология форм искусственного родства: *казуальные*, обусловленные осознанным желанием, а потому связанные со специальными обрядами, ритуалами, и *оказиональные*, возникающие «по случаю» событий жизненного цикла как вторичное явление. В работе содержатся данные по адопции при обрядах детского (прием родов,

² В работу не вошли материалы по искусственному родству у народов Дагестана (за исключением ногайцев), который, впрочем, рассматривается многими как особый субрегион Кавказа.

первое кормление, аталычество) и свадебного («другой дом») циклов, казуальной адапции (усыновление кровника, усыновление ребенка) и побратимству у карачаевцев.

Карачаевскую терминологию искусственного родства мы почерпнули в «Карачаево-балкарско-русском словаре» (далее КБРС), составленном С.А. Гочияевой и Х.И. Суюнчевым и изданном в 1989 г., в статье К.А. Салпагаровой «Некоторые термины родства в карачаево-балкарском языке» [//Проблемы истории карачаево-балкарского и ногайского языков. Черкесск, 1989], а также в материалах нартского эпоса [Нарты. Геронческий эпос балкарцев и карачаевцев. М., 1990] и в текстах старинных карачаевских зикров (*зикирле*, реже *зикир назмула*)³ [Зикирле. Черкесск, 1991]. Помимо этого в диссертационной работе использована статья Х.Х. Малкондуева «К вопросу об эволюции историзма балкаро-карачаевского героико-исторического песенного фольклора» [//Геронко-исторический эпос народов Северного Кавказа. Грозный, 1988], в которой упоминается о бытовании в прошлом песни «Таякъ къарнашла» - «Палочные братья».

Интересный этнографический материал содержится в монографии М.Д. Каракетова «Из традиционной обрядово-культурной жизни карачаевцев», опубликованной в 1995 году. Автор приводит уникальный материал по «палочному» побратимству, собранный им в ходе этнографических экспедиций в Карачае в конце 80 – начале 90-х годов, исследует природу и функциональное предназначение «клятвенного посоха» (*аитлы таякъ* или *джик-эллей таякъ*).

В кратком биографическом справочнике «Известные люди Карачаево-Черкесии», составленном в 1997 г. Р.Т. Хатуевым, приведен пример аталыческих отношений карачаевских первостепенных узденей Алиевых с кабардинскими князьями Атажукиными.

В 1998 вышла работа Ю.А. Борлакова «Адеб. Намыс. Адет». В ней содержатся интересные сведения по аталычеству, усыновлению и «другому дому».

Некоторые материалы по аталычеству и побратимству у карачаевцев и балкарцев содержатся также в работах И.М. Мизиева «История карачаево-балкарского народа с древнейших времен до присоединения к России» [//Ас-Алан. М., 1998. № 1], Р.Т. Хатуева «Карачай и Балкарня до второй половины XIX века: власть и общест-

³ *Зикирле* (от арабск. *зикр* – упоминание, память) – религиозные поэмы-песни; особенно популярна практика рецитации зикиров (*зикир айтыу*, *зикир этиу*) среди старшего поколения карачаевцев [п/м 1997-1998 гг.].

во» [//Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). М., 1999] и М.Д.Каракетова «Миф и функционирование религиозного культа в заговорно-заклинательном ритуале карачаевцев и балкарцев» [М., 1999].

Сведения о промежуточном поселении жениха и обряде снятия покрывала с головы невесты в карачаево-балкарской диаспоре в Турции приводятся З.Б. Кипкеевой в монографии «Карачаево-балкарская диаспора в Турции» [Ставрополь, 2000].

Обзор литературы по теме диссертационного исследования, свидетельствует о том, что вопросы, касающиеся форм искусственного родства, бытовавших у карачаевцев, так или иначе затрагивались многими учеными, но до сих пор практически не изучены. В перечисленных работах освещаются лишь частные аспекты, которым уделено внимание в данной работе в контексте целостной картины системы искусственного родства у карачаевцев. Некоторые важные аспекты темы данной диссертации, особенно связанные с современностью, ранее совершенно не разрабатывались.

Научная новизна исследования. Изучение искусственного родства у карачаевцев носило, как уже отмечалось, спорадический характер и в целом исследовано слабо. Наиболее разработанным можно считать лишь один из его аспектов – обычай свадебного скрывания в «другом доме». Настоящая работа представляет собой первую попытку комплексного исследования всех видов и форм искусственного родства у карачаевцев, выявления эндогенных и экзогенных аспектов данной проблемы. В работе впервые описаны виды искусственного родства (например, повивальное родство, побратимство-посестримство, посестримство, патронат) и способы его установления у карачаевцев (например, путем «разрывания стебелька», жертвоприношения, клятвы огнем и т.д.), не представленные в отечественном и зарубежном кавказоведении, а также разработана концепция карачаевских присяжных (фамильных) братств.

В дальнейшем представляется также необходимым организация полевой экспедиции в Балкарию и создание на основе этого обобщающей работы по искусственному родству у карачаевцев и балкарцев.

II. Структура и основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, двух глав, состоящих из более мелких разделов, заключения, списка источников и литературы, списка сокращений, глоссария и приложения.

Во «**Введении**» рассмотрена актуальность темы, определены цели и задачи исследования, его объект и предмет, хронологические рамки, обоснована методология, помещен обзор и анализ литературных источников, обоснована научная новизна исследования.

Первая глава «Адопция, ее причины и цели» посвящена изучению всех видов и форм усыновления, бытовавших у карачаевцев. Глава разбита на три части в порядке их естественного развертывания и в соответствии с соотношением ocasionальных и казуальных форм.

Часть первая «Адопция при обрядах детского цикла» посвящена исследованию трех ocasionальных форм искусственного родства: родства с повитухой, родства с кормилицей и аталычества.

Обычай установления псевдорodства при приеме родов в системе институтов искусственного родства у народов Северного Кавказа к настоящему времени изучен недостаточно. В большей степени он исследован у осетин. В статье Я.С. Смирновой «Искусственное родство у народов Северного Кавказа: формы и эволюция» эта форма псевдорodства определена как бытовавшая только у осетин. В то же время согласно сведениям, полученным нами в ходе полевых исследований, можно утверждать, что в прошлом она имела повсеместное распространение также у карачаевцев. Более того, важное отличие карачаевского повивального родства от осетинского обряда заключалось в том, что в Карачае *каждый* человек состоял в искусственном родстве с повитухой, принимавшей его рождение. Термин, определяющий повитуху – *аначы* – в качестве «родственницы» – *киндик ана* – все еще известен пожилым карачаевцам. В зависимости от контекста, от того говорил ли информатор о повитухе, как о неком абстрактном лице, принимающем роды, или же об определенной женщине, принимавшей его собственное появление на свет, зависел и выбор конкретного термина. В первом случае употреблялось слово «*аначы*» – повитуха (или *аначы къатын* – «женщина, принимающая роды»), *туудургъан къатын* – «женщина, помогающая при родах», *реже уста къатын* – букв. «искусная [врачующая] женщина»), а во втором – «*киндик ана*» («пуповинная мать»), что подчеркивало отношение информатора к «своей» повитухе как к человеку близкому, как

бы равному матери. Действием, обуславливавшим установление искусственного родства, было отсечение пуповины, поэтому *киндик ана* определялась информаторами, именно как «женщина, отсекающая пуповину» (*киндик кесген къатын*). Проведенное нами исследование показало, что изначально *аначы* и *киндик ана* были двумя разными участницами родовспоможения.⁴ *Аначы* выполняла непосредственно функции повитухи, обладая специальными практическими и магическими знаниями и опытом. Для совершения же ритуального обряда перевязывания и отсечения пуповины (*киндик кесіу*) специально приглашалась другая женщина - *киндик ана*. По рождении ребенка, *киндик ана* одаривали «благородной» материей и/или деньгами, особенно щедро – если рождался мальчик, тем более первенец (*тунгюч/тунгуч улан*) или долгожданный наследник. Более архаичное и широкое бытование этого обычая у карачаевцев позволяет нам говорить об эндогенном характере его бытования, уходящего своими корнями в древнетюркскую культуру. Так, в прошлом этот обычай и идентичная карачаевской терминология существовала у казахов: женщину, вступающую в родство путем перевязывания и отсечения пуповины, казахи называли «*кіндік шеше*» – «пуповинная мать» [Орысша-қазақша сөздік. Алматы, 1981. Т.2. С. 92]. Здесь так же, как и у карачаевцев, в качестве потенциальной пуповинной матери выбиралась замужняя женщина, как правило, близкая подруга роженицы. «Прием родов, – пишет Х. Аргынбаев применительно к казахам, – доверяли обычно всеми уважаемой пожилой женщине, а пуповину отрезала близкая приятельница роженицы (*кіндік шеше*)» [Аргынбаев Х. Семейно-брачные отношения //Казахи. Историко-этнографическое исследование. Алматы, 1995.С. 290]. Осетинский вариант обычая не предписывал строгого соблюдения брачных ограничений между семьями роженицы и повитухи, в то время как у карачаевцев браки были строго запрещены. Распространение этого обычая у осетин, по всей видимости, связано с наследием аланотюркского смешения. В конце XIX – начале XX вв. по мере распространения медицинских учреждений, в частности фельдшерских пунктов, практика народного акушерства (а равно и традиция повивального родства) в Карачае стала сходить на нет и, несмотря на его частичное возобновление в годы войны и депортации, практически

⁴ В определенном смысле подтверждением этому служат и строки старых карачаевских зикров, описывающие рождение Мухаммеда. Здесь функции «аначы» приписаны двум турьям: Мариям и Асият [Зикирле, 1991. 9 б.].

прекратила свое существование к 70-м гг. XX в. Как некое остаточное явление от повивального родства можно отметить сохранившуюся традицию одаривания акушеров.

Родство с кормилицей было известно всем народам Кавказа, однако обычай первого кормления на Северо-Западном Кавказе практиковался лишь у погайцев, карачаево-балкарцев и осетин. В Карачае после того как *киндик ана* перевязывала и отсекала пуповину, *аначы* купала новорожденного (*джанъы туугъан*) в теплой воде и, завернув в мягкую матерiu, передавала в руки третьей женщины — молочной матери (*сют ана*), приглашенной к этому моменту для совершения обряда первого кормления. В качестве *сют ана* у карачаевцев, как и у осетин, как правило, чаще всего выступала одна из невесток *атаула* или *тукума*. В отдельных случаях *сют ана* младенцу приводили претенденты в аталыки (как правило, это была родственница, но не невестка аталыка), в других — обряд первого кормления могла исполнить и сама аталычка (*эмчек ана*). В случае, когда кормилицей княжеского (*бий*) отпрыска становилась жена первостепенного дворянина (*сылы/уллу/сырма/баи ёзден*), обряд первого кормления функционально соответствовал в некоторой степени аталычеству, ибо князья также одаривали дворян землей и скотом, и в комплексе своих составляющих этот обычай так же являлся инструментом укрепления отношений сюзеренитета-вассалитета. Считалось, что посредством кормления грудью (а при усыновлении было достаточно и одного прикосновения к груди) между людьми устанавливается самое тесное и, согласно представлениям карачаевцев, самое нерушимое, равное кровному или превосходящее так называемое «молочное» родство (*сют джууукълукъ* или реже *сют ичген джууукълукъ*). Информаторы отмечают, что по карачаевской традиции узы «молочного» родства следует чтить до 7 – 12 поколений потомков. С принятием ислама это правило было освящено, ибо принципиально соответствовало установлениям шариата, содержащим запрет браков между молочными родственниками [Коран, аят 23 суры 4 «Женщины»] (хотя здесь оно ограничивалось 4 коленами). В настоящее время об обычае первого кормления у карачаевцев помнят лишь люди преклонного возраста, однако установление искусственного родства через первое кормление имеет место и в наши дни (правда, в последнее десятилетие в связи с широким применением качественного детского питания матери все чаще предпочитают обходиться без помощи кормилиц). Отношения искусственного родства

чаще всего возникают в случае кормления новорожденного чужой женщиной при отсутствии молока у матери (*сют юлюш ичирген*). Другая причина установления «молочного» родства заключена в занятости женщин, когда при отсутствии матери (если она, например, на работе) младенца кормит грудью близкая семье женщина (золовка или свояченица, невестка и т.д.), подруга или добрая соседка.

Наиболее заметным в системе обычаев искусственного родства являлось атальчество, привлекшее внимание многих исследователей разных эпох. В истории изучения генезиса института атальчества можно выделить три основных направления. Первое и наиболее раннее из них сводится в общих чертах к так называемой «народной» трактовке причин его бытования, заключающейся в утверждении необходимости строгого воспитания детей (особенно мальчиков – будущих воинов), которое возможно лишь в чужой семье вне родительской опеки. Этому мнению придерживались Н.Данилевский, В.Швецов, Ф.И.Леонтович и др. Второе направление сопряжено с учеными, связывающими атальчество с древнейшим обществом как стадильный институт универсально-исторического характера: М.В.Ковалевский, М.О.Косвен, В.К.Гарданов и др. В современной этнологии более обоснованной и признанной считается позиция другой группы ученых, связывающих атальчество с периодом классообразования и определяющих его как институт присущий высшим социальным сферам общества. В числе основоположников этой теории – В.В.Васильков, А.М.Лодыженский, Г.А.Коккиев, А.И. Першиц, Б.Трайде, Я.С.Смирнова. Материалы по карачаевскому атальчеству также являются подтверждением позиции этой группы ученых. В Карачае институт атальчества был достаточно широко распространен, однако до настоящего времени изучен недостаточно. Карачаевцам атальчество было известно под разными названиями. Наиболее общими терминами являлись «*эмчек улан/джаши асырау*» («хранение» соскового сына⁵) и его обратный эквивалент – «*аталыкьгъа/эмчекке берю*» («отдача атальку/эмчеку»). При вертикальном атальчестве чаще использовали специальный термин «*бий ёсдюрген/асырагъан*» («воспитание/«хранение» князя») или его более поздний вариант (со времени завоевания Карачая в 1828 г.) «*ги-*

⁵ Карачаевское выражение «*эмчек улан*» или «*эмчек джаши*» – «сосковый сын» – эквивалентно русскому слову «воспитанник». В более позднее время, с отмиранием института атальчества значение термина «сосковый сын» трансформировалось в понятие молочного сына.

наз⁶ *эмльдеи алъган*) («принятие воспитанника-князя») [п/м 1997 г.]. В старинных текстах встречается также термин *бийпеден эмчек улан алыу*) («взятие у князей "сосковского сына"») [Зикирле, 1991. 16 бет]. В Карачае (в отличие от Балкарии и других обществ Северного Кавказа) бытовало исключительно «мужское» аталычество (на это же указывает в некоторой степени и сама терминология). В 1882 г. Ф.И. Леонтович в перечне карачаево-балкарских адатов отметил также существование аталыческого воспитания девочек, что являлось скорее всего данью его убежденности, что «нижеследующий обряд [у карачаевцев и балкарцев] один у всех» [Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Материалы по обычному праву Северного и Восточного Кавказа. Одесса, 1882. В. 1. С. 273] и последующего затем буквального обобщения карачаевских материалов с балкарскими. В то же время у карачаевцев девочки воспитывались исключительно дома под присмотром кормилиц (*сют ана*) и воспитательниц (*дигиза*). Аталыческие отношения в Карачае были строго регламентированы в соответствии с сословной организацией карачаевцев: князя (*бий/ таубий*) и подкняжичи (*чанка*) отдавали детей дворянам (*ёзден*) «первой степени»,⁷ так называемым «золотым» узденям (*сырма ёзден*⁸), те в свою очередь равным себе по статусу либо узденям «второй степени» – «истинным» узденям (*кертти ёзден*) [п/м 1997-1998 гг.] и т.д. В пореформенное время князья (но не дворяне) стали отдавать детей в зажиточные семьи сословия азатов (вольноотпущенников). Представители сословной группы *акъсюек* («белая кость») заранее выбирали семью, достойную быть аталыками их будущего ребенка и через своего глашатая (*къодучу*) оповещали людей о своем решении. Князья могли вступать (как посредством отдачи, так и принятия на воспитание) в аталыческие отношения с княжескими родами соседних народов. В этом случае аталычество носило политический характер и не влекло

⁶ В данном случае слово «гиназ» идентично русскому «князь».

⁷ Деление узденей на степени (*дараджа*) в Карачае (как и в Черкесии) условно, так как в карачаевском языке (равно как и в других северокавказских) нет непосредственного упоминания «первостепенности» одних и «второстепенности» других узденей. Автор следует русской исторической традиции для более адекватного отражения *внутрисословной* иерархии карачаевцев.

⁸ Сырма-узденей (от *сырма* – беспримесное золото; золотистый) называют еще и *сылы/уллубаш ёзден* (соответственно, *почетные, большие или главные уздени*) [п/м 1997–1998 гг. БРС, 1989. С. 586].

⁹ Иначе еще: *тюз/эски/ортакъара ёзден* – *простые, старые, средние, черные уздени* [п/м 1997–1998 гг.].

установления вассально-сюзеренных отношений и наряду с династическими браками являлось инструментом международной дипломатии. При княжеско-княжеском аталычестве молочное родство между семьями аталыка и воспитанника де-факто не устанавливалось, т.к. первое и все последующее кормление ребенка производили не аталычки, а кормилицы-узденьки (*дигиза*). В то же время узденям за-прещалось принимать на воспитание княжеских детей других народов, но не возбранялась отдача на воспитание в соседние общества своих детей. В целом основные аспекты аталыческого воспитания у народов Кавказа (особенно у адыгов, осетин, кумыков, карачаевцев и балкарцев) были практически идентичны. С десятилетнего возраста аталык обучал воспитанника верховой езде (*атда джюрюрге*), уделяя особое внимание красивой посадке и гарцеванию (*ат ойшатыргъа* или *ат оюн этдирирге*), прививал мужские качества (*эркишилик*, *эрлик*), такие, как смелость и храбрость (*батырлыкъ*), выносливость и терпеливость (*тёзмеклик/тёзюмлюк*, *чыдамлылыкъ*), выдержка и хладнокровие (*басымлылыкъ*), учил джигитовке (*джигитле-ниў/джигитленмек*), владеть холодным (*кезлик сауут*) и огнестрельным оружием (*атылгъан сауут*), преодолевать горные и водные преграды. Аталык устраивал различные испытания (*сынаў*, *сынамакълыкъ*) своему воспитаннику. Одним из таких традиционных методов было испытание храбрости (*батырлыкъ сынаў*). Значительную роль в системе воспитания эмчек-улана играло обучение воспитанника законам Карачая (*къарачай джорукъ*), народным традициям (*къарачай адет*) и знаниям (*бшпим*), тонкостям горского этикета (*къарачай намыс*, *Къарчалбий намыс*, *ёзденлик*), а также приобщение к ценностям духовной культуры и, в первую очередь, традиционным культам и основам мусульманского вероисповедания (*бусурман дш*, *бусурманлыкъ*). Важное место отводилось умению вести беседы (*ушакъ этиў*) и красноречию (*сёзге усталыкъ*, *омакъ сёлешиў*), при этом особое внимание обращалось на выразительности и лаконичности речи воспитанника (*къысха сёз*). Помимо этого эмчек-уланов учили также организации труда и хозяйственному управлению. Воспитание эмчек-улана продолжалось до его совершеннолетия, а в отдельных крайне редких случаях аталык женил его и лишь затем представлял родителям. В случае вертикального аталычества аталык-узденъ получал от отца своего воспитанника в потомственное или пожизненное владение земельные участки – *эмчеклик джер* (букв. «земля за эмчек-

ство [аталычество]»)¹⁰, что влекло установление так называемых «эмчекских поземельных отношений» – *эмчеклик*.

Скорее всего разновидностью аталычества является обычай «воспитания кровника» (*къан эмчек асырау*), связанный с воспитанием ребенка враждующей семьи. Особых торжеств при передаче и принятии кан-эмчека не устраивалось, но кровная вражда после этого прекращалась навсегда. Другим близким по виду, но функционально отличным от аталычества обычаем являлось воспитание воина. Такое воспитание не влекло установления вассально-сюзеренных отношений и всецело являлось инициативой молодого человека, желающего постигнуть тонкости воинского искусства у прославленного джигита. В течение ряда лет юноша, подобно сателлитам Древнего Рима, прислуживал и повсюду сопровождал своего наставника, ходил с ним в походы, совершал набеги (*чабуул, джортуул*) и т.д. В Карачае популярна история подобного воспитания юноши из рода Кучуковых у кабардинского князя Джамболата Атажукина [п/м 1997 г.].

Таким образом, аталычество в Карачае было широко распространено, и оно в общих своих чертах соответствовало общекавказской традиции. Однако наличие ряда специфических особенностей, таких как отдача на воспитание только мальчиков, выбор (а фактически – назначение) аталыков князьями, запрещение узденям воспитывать детей иноэтничных феодалов и мн. др., позволяет нам говорить о существовании карачаевской вариации института аталычества. Крестьянская реформа 60-х гг. XIX в. окончательно разрушила традиционную систему общественного управления и подорвала основу существования аталычества в Карачае, и оно постепенно прекратило свое существование. Однако еще в середине XX в. в Карачае можно было встретить людей, близкие родственники которых воспитывались у аталыков или сами являлись таковыми [материалы Я.С. Смирновой]. В настоящее время многие карачаевцы (преимущественно старшее поколение) все еще помнят о своих прежних

¹⁰ Не путать с *ёзденлик джер* (букв. «земля за узденство») – земли, пожалованные князем узденю в наследственное владение в качестве лена за службу, верность, подвиг и т.п. По утверждению начальника Эльбрусского округа Н.Г. Петрусевича, «земли в узденлик уже не отдаются с давних пор, по крайней мере лет за сорок до настоящего времени [1830 г.], и ... принесение подарков за земли остановилось также не менее двадцати лет тому назад [1850 г.]» [Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790 – 1917). Ростов-на-Дону, 1985].

аталыческих связях и чтут родство с потомками аталыков и воспитанников [п/м 1997-1998 гг.].

Часть вторая «Адопция при обрядах свадебного цикла» посвящена изучению двух форм «свадебного» искусственного родства – при помещении в «другой дом» - место временного обитания жениха и невесты - и с человеком, снимавшим покрывало с головы невесты.

Одной из наиболее распространенных форм искусственного родства у карачаевцев, так же как и у других народов Кавказа, было родство, устанавливающееся с хозяевами «другого дома» (*болуш куй*). Промежуточное поселение жениха и невесты выполняло несколько важнейших социальных функций: конституировало подчиненный статус молодой семьи в семейно-родственной организации и обеспечивало этим устойчивость традиционного быта карачаевского общества; посредством установления искусственного родства расширяло социальные связи зарождающейся семьи; и, наконец, укрепляло феодальный строй Карачая посредством межсословного болуша. Большинство исследователей не отмечают (или отрицают) бытование у карачаевцев обычая промежуточного поселения невесты. Однако со всей достоверностью говорить об отсутствии такого порядка в древности мы пока не можем (так, например, у культурологически и генетически близких карачаевцам осетин этот обычай перестал бытовать и совершенно забылся уже ко второй половине XIX в., в то же время у балкарцев он широко практиковался еще в конце XIX в.). В этой связи до сих пор остается спорным тезис Ф.И. Леонтовича, приведенный им в перечне карачаево-балкарских адатов, составленных в 1844 г. «Женившийся старшина [князь], – гласит пункт 11 адатов, – имеет право жену свою на теглариш¹¹ [*болуш*] отправить и оставить ее в доме каракеша¹² [узденя] в продолжении одного года» [Леонтович Ф.И. Указ. соч. С. 276]. Следовательно, Ф.И. Леонтовичу либо были известны факты (по крайней мере единичные, что не исключено) промежуточного поселения невест у карачаевцев, либо это адатное положение появилось в его списках вследствие ошибочного определения им традиции, характерной для балкарских таубиев, в качестве общепринятого карачаево-балкарского культурного явления.

¹¹ Ф.И. Леонтович использовал адыгский эквивалент «другого дома».

¹² *Къаракиши* – «черный люд» – наименование основной части узденского сословия карачаевцев и балкарцев, в отличие от *акъсюек* – «белая кость» – княжеского сословия. В данном случае имеется в виду, конечно же, узденская верхушка.

Возможно также и другое объяснение: Ф.И. Леонтович, не разграничивая различные формы заключения брака, в частности брак по сговору от брака похищением (*къыз къачырыу*), когда, согласно карачаевским адатам, похищенная (фактически или фиктивно) невеста до примирения сторон (*джарашыу*) помещается в дом близкого родственника (*къысха джууукъ*) или друга (*шох*) жениха (в случае насильственного умыкания или увода невесты – до года и более), представил некую обобщенную картину свадебной обрядности.

Широко практикуется у современных карачаевцев (включая диаспору в Турции) свадебное промежуточное поселение жениха. В прошлом сроки пребывания и отдельные обрядовые элементы этого обычая зависели от сословной принадлежности жениха и вариаций свадебного обряда. Изначально жених мог иметь двух болушей – одного в селении невесты, в том случае, если он в составе свадебной делегации отправлялся за невестой, а другого – в своем селении. В настоящее время у карачаевцев имеет место только обычай промежуточного поселения жениха после привоза невесты. Неизменной сохранилась, терминология и обязанности хозяев «другого дома», включая участие в свадебных расходах и устройство угощения друзьям и молодежи, которые приходят сюда со свадьбы [Свадебная обрядность, 1998. С. 57-58; п/м 1997-1998 гг.]. В основном изменения коснулись лишь сроков пребывания жениха в доме болуш, которые сократились, как и сама свадьба, до 2-3 дней. Чаще всего в качестве болушей выбираются семьи, живущие неподалеку от места торжества, - родственники или соседи. Подавляющее большинство информаторов среднего возраста признавали невозможным браки между членами семей жениха и «болуш» и лишь единицы характеризовали отношения между семьями скорее как дружеские и не отрицали потенциальной возможности вступления в совместный брак их детей [п/м 1997-1998 гг.].

Другая (ныне не практикующаяся) форма окказионального искусственного родства, устанавливаемая при обрядах свадебного цикла, связана со снятием покрывала с головы невесты. Как правило, поручалось это действие ближайшему приятелю жениха [Грабовский Н.Ф. Свадьба в горских обществах Кабардинского округа // ССКГ. Тифлис, 1869. В. 2. С.17], в некоторых же случаях им мог быть кто-либо из родственников жениха [Щукин И.С. Материалы для изучения карачаевцев // РАЖ. М., 1913. № 1-2. С. 62]. Существовало несколько способов снятия покрывала: кинжалом, палочкой обмотанной шелко-

вой матерней, рукояткой плетки, небольшим флажком или просто рукой [Щукин И.С. Указ. соч. С.62; Кудавев М.Ч. Карачаево-балкарский свадебный обряд. Нальчик, 1988. С. 61]. В настоящее время этот обряд, как указывалось выше, не обуславливает установление псевдородства, а покрывало чаще всего снимают родственники жениха: в Большом Карачае – дети, в Малом – невестки или сестры, в карачаево-балкарской диаспоре в Турции – «старшие родственницы» [п/м 1997-1998 гг.; Кипкеева З.Б. Указ. соч. С. 88].

В третью часть «Другие виды адопции» вошли казуальные формы адопции, заключающиеся в юридическом оформлении акта инкорпорации в состав патронимической организации карачаевцев детей и взрослых посредством их принятия в малую или большую семью (соответственно *юйдеги* и *юйюр*), фамилию (*тукъум*) или присяжное братство (*къауум*). Казуальные виды адопции приводятся в порядке их усложнения: сначала проанализированы индивидуальные (когда в качестве усыновителей выступают отдельные лица), а затем - коллективные (когда в качестве усыновителя отдельных людей или целых семей поселенцев выступала вся патронимия, фамилия или присяжное братство) формы адопции.

По характеру и степени адопции мы выделяем фиктивную форму, связанную с усыновлением/удочерением родственников¹³, и фактическую, связанную с усыновлением неродственников, а также полную, характеризующуюся переездом усыновляемого в дом усыновителя и наделением всеми юридическими правами (включая право наследования), и неполную, когда усыновленный не обладал правом наследования и чаще всего жил вне семьи усыновителя. Специфика коллективного усыновления заключена в том, что для него характерна только фактическая полная адопция.

Что касается обрядов усыновления, то мы различаем несколько способов: усыновление путем прохождения под палкой, кормление или имитация кормления грудью, обязательное жертвоприношение, личная договоренность, о которой объявлялось во всеулышание и т.д. При индивидуальной адопции выбор конкретного способа усыновления зависел от личных предпочтений сторон (чаще

¹³ Фиктивные виды адопции не рассматриваются в данной работе, т.к. они не обуславливали возникновение новых родственных связей и не являлись специфичными для карачаевцев, а сами обряды, если они и проводились, были полностью идеггичны с обрядами фактического усыновления (детей и взрослых).

усыновителя), в то время как коллективная осуществлялась только прохождением под палкой.

К индивидуальному усыновлению часто прибегали при необходимости установления посредством родства близких отношений с влиятельной особой. В других случаях усыновление преследовало целью установление покровительства над усыновляемым (но не усыновителем, как это бывало, например, у адыгов или абхазов). Иногда усыновление выступало также в качестве эквивалента побратимства, когда, например, преданные друзья, желая связать себя узами родства, прибегали к усыновлению одного из них (иногда обоих) родителями другого. Существовала еще одна причина усыновления взрослых. В Карачае с давних времен кровная месть заменялась сложной разветвленной системой композиций и последующим примирением сторон, в том числе посредством обычая «воспитания кровника» (*къан эмчек асырау*) – принятия одной из сторон на воспитание ребенка другой стороны, либо усыновления потерпевшей стороной виновного в убийстве или причинении увечий.

Коллективное усыновление носило универсально-исторический характер и практиковалось у всех народов мира. Несмотря на всю широту способов индивидуальной адопции, у карачаевцев существовал лишь один способ коллективного усыновления патронимией чужаков – путем обряда «прохождение под палкой» (*таякъ тюбюнден ётиу*), когда усыновляемый приносил клятву и в присутствии уважаемых членов патронимии проходил под ритуальной палкой *«ант таякъ»*. Обряды коллективного усыновления и побратимства отличала лишь одна деталь: в первом случае под палкой проходил только усыновляемый (или усыновляемая группа), а во втором – все участники обряда. Усыновленные члены рода обладали правами на родовые земли наравне с кровными родственниками и образовывали новые атаулы в составе тукума-усыновителя. Обычай коллективного усыновления вышел из употребления в конце 80-х – начале 90-х гг. XIX в.

Вторая глава «Побратимство, его причины и цели» состоит из двух частей и посвящена изучению индивидуального и коллективного побратимства, а также покровительства в Карачае.

В первой части «Побратимство» рассматриваются индивидуальные (союз двух людей (вариант: 5-6 человек), не связанных узами родства) и коллективные (когда в качестве одной из сторон союза выступал коллектив родственников – как правило, тукум) виды побратимства. В своей основе побратимство и его атрибуты были из-

вестны всем народам Северного Кавказа. Так, практически повсеместно бытовало братание кровью, совместным питьем из бокала, обменом оружием, жертвоприношением и т.д. Бытовали и сугубо карачаевские способы побратимства, такие как: исполнение ритуального танца, «разрывание стебелька», прохождение под «клятвенной палкой» или саблей и т.п. Присяга прохождением под палкой была известна также и адыгам, но в качестве ритуала побратимства она использовалось только в Карачае.

Индивидуальное побратимство в различных формах и обрядовых исполнениях бытовало у всех народов Северного Кавказа и было широко распространено в различные периоды истории человечества на всем пространстве ойкумены. Изначально к установлению побратимства прибегали, как правило, в сложной жизненной ситуации, когда человеку (в случае коллективного побратимства – социальной общности) требовалась поддержка верного и надежного (нередко, военного) союзника, покровительство могущественной особы или рода и т.д. Наиболее распространенными способами оформления побратимства у карачаевцев были прикладывание надрезанных рук (запястий, пальцев и т.д.) или питье жидкости с добавленными каплями крови побратимов (*къан къарнашыкъ*). Это сугубо мужская форма побратимства. По утверждению информаторов «кровный» ант наиболее священен и нерушим, и для его заключения не требуется ничего свидетельства. Интересно, что из всех видов побратимства (*ант*, *ант(лы) къарнашыкъ*) «кровный» ант оказался наиболее жизнеспособным и сохранился до наших дней в практически неизменном виде. Так, например, в 1954 году «кровное братство» было заключено между карачаевцем Сеит-Баталом Джанибековым и ингушом Алимханом Цуровым [п/м 1997 г.], в 1992 г. Заурбек Тамбиев (1973 г.р.) заключил «кровный» ант со своим другом [п/м 1998] и т.д.

Другим распространенным и сохранившимся до наших дней способом присяги у карачаевцев является заклятие жертвенного животного (*къурманлыкъ*). Ант с жертвоприношением был заключен в 1965 году Умаром Урусовым, Нурби Физиковым (абазин), Магометом Хасановым, Али Байчоровым и Али Бердиевым [п/м 1997 г.]. В 1975 г. ант жертвоприношением был заключен в а. Римгорка между Магометом Айбазовым и Магометом Каитовым [п/м 1997 г.]. Ант с жертвоприношением универсален, т.к. при его помощи можно установить не только побратимство – союз двух или более мужчин, но и более редкие его варианты: посестримство (союз двух и более жен-

щин) и побратимство-посестримство (смешанный союз двух и более мужчин и женщин). Редуцированной формой анта жертвоприношением является союз, оформленный устной клятвой и простым объявлением о заключении посестримства. Другая форма «женского» анта носила название «разрывание стебелька» (*чѣб юзюу*) и чаще всего использовалась при заключении посестримства. Заключаящие ант, держа в руках стебелек какого-либо растения (в случае, если их было трое, старший(ая) держал(а) стебелек по середине) произносили слова клятвы, а затем разрывали его. Такой ант был заключен в 1936-37 годах между Халимат Айбазовой, Джарык Байрамуковой и Хавой Борлаковой [п/м 1997 г.]. В Карачае побратимство-посестримство чаще всего оформлялось «серебряным» антом, который имеет в свою очередь два различных способа исполнения: «съедение серебра» (*кюмош къабыб ант этиу*), когда каждый(ая) брал(а) в рот по кусочку серебра, и «питие серебра» (*кюмош ичиб ант этиу*), когда серебро соскребали (иногда опускали маленькое украшение или монету) в кубок с жидкостью (молоко, пиво, вино), которая после произношения клятвы поочередно выпивалась [п/м 1997 г.]. Распространенной у карачаевцев формой анта было так называемое «вещевое родство» (*мал джууукълукъ*), которое оформлялось обменом чаще всего оружия (кинжалов, шашек и т.д.), реже скакунов, папах, серебряных и золотых поясов и т.п. [Иванюков И.И., Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 567; п/м 1997-1998 гг.]. Наиболее распространенным способом заключения побратимства (посестримства, побратимства-посестримства) у карачаевцев и балкарцев был обряд "прохождения под палкой" (*таякъ тюбюнден ётюу* или *таякъ тюбюнден тизлиу*). По мнению большинства информаторов, в качестве ритуальной палки использовался посох из боярышника, обладавшего сакральной силой и служившего в качестве оберега. Информаторы отмечают также, что иногда вместо клятвенной палки использовалась, сабля или шашка (в более ранние времена – меч). Так, например, была оформлена присяга во второй половине XIX в. «людьми Джумарыка Гочияева» [п/м 1998 г.].

В прошлом существовал также обычай заключения «огненного» побратимства, когда братающиеся клялись огнем костра (реже очага). Часто к подобной форме анта прибегали мужчины, долгое время находившиеся в изоляции от остального общества (на чужбине, в кошу и т.д.) и делящие между собой «хлеб-соль» [*туздам*], жизненные трудности и пр., в силу чего между ними складывались тесные доверительные отношения [п/м 1997 г.]. Позднее термин «от къар-

наш» - огненные братья – употреблялся применительно к обозначению ближайших родственников – членов одной (большой или малой) семьи [Щукин И.С. указ. соч. С. 41].

Отношения побратимов были очень крепки. Обида одного из них влекла немедленное отмщение другого. В Карачае широко известен случай мести в 1905 г. есаула Гылыка Шидакова за смерть «кровного» побратима (*къан къарнаш*) Домалая Эчкибашева (атаул узденей Коркмазовых) [п/м 1997 г.].¹⁴

Случаи заключения побратимства, как мы уже отмечали, встречаются и в настоящее время. Теперь *ант* устанавливают чаще всего путем исполнения двух обрядовых действий: либо заклания жертвенного животного (*кърманлык*), либо «соединения» крови побратимов (*къан къарнаш*). Побратимы, как и прежде, считаются близкими родственниками и браки между их семьями (но не атаулами) запрещены.

В системе институтов искусственного родства у карачаевцев важное место занимали так называемые каумы (*къауум*, арабск. народ, племя) – присяжные фамильные братства. Традиционно в карачаевских присяжных братствах исследователи склонны были видеть «роды», «фратрии» или «кланы». Однако ни одна из этих версий, так или иначе сводящих генезис каумов к гипотезе разрастания и разветвления исходной кровнородственной единицы, не является достоверной. В 1930 г. историк И.Тамбиев вплотную приблизился к разгадке феномена карачаевских каумов. Верно определив базовый детерминационный принцип вторичности каумов по отношению к фамилиям, входящих в их состав, он писал: «Внешние и внутренние условия, в каких развивался родовой союз [фамилии], заставили карачайские роды [фамилии] объединиться в союзы [каумы]», которые назывались «"антлы-карнаш" - "клятвенное братство", "таяк-карнаш" - "палочное братство". Такое братство является основой последних трех фратрий [братств Будиян, Адурхай, Науруз] и в их жизни оно имело место не раз» [Тамбиев И. О родах и сословно-феодальных отношениях в дореволюционном Карачае и об их фальсификации//РГ. Ростов-на-Дону, 1931. № 12. С. 92, 97]. Однако вопреки собственным наблюдениям и выводам он, повинувшись общей тенденции, ошибочно характеризует братства термином «фратрия». Все последующие поколения ученых вслед за А.Н. Дьячковым-Тарасовым (1928 г.) предпочитали употреблять термин «клан».

¹⁴ Трагической смерти Домалая Коркмазова посвящена песня-плач (*кюу*) «Домалай» [КХД, 1969. С. 83; п/м 1997 г.].

Всего насчитывалось около 10 каумов: Карча, Адурхай, Науруз, Трам, Будиян, Хустос, Шатибек, Чибिश и др. Все члены братства именовались соответственно адурхаевцами («адурхайла»), наурузовцами («наурузла»), трамовцами («трамла»), будияновцами («трамла»), хустосовцами («хустосла»), шадибековцами («шадибекле»), чибিশевцами («чибिशле») и т.д. Основным способом заключения коллективного побратимства у карачаевцев было совершение обряда «прохождение под палкой». Как уже отмечалось выше, обряды коллективного «палочного» усыновления и коллективного «палочного» побратимства были почти одинаковы, лишь с той разницей, что при усыновлении под палкой проходил только принимаемый в братство или фамилию человек или группа, а при коллективном побратимстве – все участники обряда [п/м 1997 – 1998 гг.]. Известен также случай «огненного» побратимства трех фамилий – Хубиевых [Хубийлары], Биджиевых [Биджилары] и Тоторкуловых [Тотуркюллеры] [п/м 1997 г.]. По утверждению информаторов, изначально Хубия (родоначальник Хубиевых) и Биджи (родоначальник Биджиевых) состояли в кровном родстве (по одним данным они были братьями, по другим – Биджи был сыном Хубии). По истечении некоторого времени разросшиеся фамилии стали забывать о своем родстве, тогда Хубиевы и Биджиевы, входящие наряду с Хасановыми, Тохчуковыми, Быттаевыми и др. в братство Шадибек [ЦГА РСО. Ф. 262. Ед. хр. 23. Л. 50-86; Миллер, 1902. С. 7], заключили между собой палочное побратимство, так сказать братство в братстве. Позднее для укрепления и укрупнения своего «внутреннего» союза было решено побрататься с Тоторкуловыми – выходцами из Балкарии. Однако на этот раз побратимство было оформлено иначе, а именно – клятвой над огнем костра. Старейшины указанных фамилий, держа в руках горящие головни, поклялись, что фамилии, которые они представляют, с этих пор будут считаться братскими [п/м 1997 г.].

Другое отличие двух обычаев состояло в том, что при коллективном побратимстве пришельцы входили не в состав фамилии, как это было при усыновлении, а в состав одного из существующих каумов, образуя в нем новую «братскую» фамилию. Такова, например, история фамилии Тамбиевых [Тамбийлары] и Тохчуковых [Тохчуклары] – выходцев из Кабарды. Первые вошли в братство Будиян, вторые – в братство Шадибек [п/м 1997-1998 гг.].

Важным показателем принадлежности к тому или иному братству было наделение фамилий, входящих в их состав, правом

пользования общей каумной тамгой (къауум тамгъа). Так выглядели каумные тамги основных карачаевских братств: Адурхай - , Будиян - , Науруз - , Трам - , Хустос - , Чибिश - , Шадыбек - . Не имело общей тамги лишь братство княжеских фамилий – *Къарча къауум*, однако графическая основа тамг, входящих в него фамилий, все же одина и представляет собой трезубец, известный также как фамильная тамга крымских ханов. Так, тамги князей Карабашевых выглядели следующим образом – , и ; Урусбиевых - , и ; Дудовых - и ; Крымшамхаловых - [п/м 1997 г.].

На основе модификации каумной тамги фамилии (а следом и семьи), входящие в братства, составляли свои «индивидуальные» тамги. Так, например, Тамбиевы наряду со своей изначальной тамгой ¹⁵ пользовались также и такой тамгой , которая являлась модификацией будияновской каумной тамги [п/м 1997 г.]. Тохчуковы и Быттаевы, войдя в братство шадыбековцев, пользовались каумной тамгой , в качестве же своей фамильной тамги использовали ее трансформации: Тохчуковы - , Быттаевы - [п/м 1997 г.].

Внутри каждого каума царил строгая экзогамия. Так, принцип экзогамии между фамилиями Тамбиевых и Текеевых, входящих в братство Будиян было нарушено в 1919 г. «когда сын кулака Урусбия Тамбиева женился на дочери кулака Ибрагима Текеева», также входящего в каум Будиян [Тамбиев И. Указ.соч. С. 97].

Вторая часть «Патронат» посвящена описанию особой пережиточной формы искусственного родства - патроната (*осуилукъ*¹⁶), по существу уже не являющегося таковым, но внешне еще прикрывающегося его флером. Нуждающийся в помощи и покровительстве человек чаще всего сам просил могущественную особу быть его покровителем, в редких же случаях инициатором установления патроната был сам потенциальный покровитель.

Карачаевский патронат обуславливал возникновение между сторонами близких отношений, однако, менее прочных чем при адоп-

¹⁵ Тамбиевы-кабардинцы использовали следующие ее модификации: , , , и др. [Яхтапигон, 1993. С.146].

¹⁶ *Осуи* (< от арабск. *уаси* – опекун [Арабско-русский учебный словарь. М., 1982. С. 920]) – покровитель, патрон.

ции и побратимстве. Иногда эти отношения были очень тесными и по своей сущности почти совпадали с отношениями искусственного родства. В этих случаях покровительствуемые обращались к покровителю «отец-покровитель» (*осуй ата*), а к его жене «мать-покровительница» (*осуй ана*) [п/м 1997г.]. Так, во второй половине XIX в. в Учкулане Солтан Гнышев (атаул Алботовых) был осуем Идриса Боташева, в 90-х гг. XIX в. Гитче-хаджи Крымшамхалов был осуем Хаджибия Темирбулатова и т.д. Осуйство возникало также в тех случаях, когда, умирая, человек просил влиятельную особу взять под свою опеку и покровительство его семью.

В **Заключении** изложены выводы, к которым пришел автор в ходе исследования. Уже в самых ранних исторических преданиях и нартском эпосе карачаевцев и балкарцев содержится информация о различных видах искусственного родства, бытовавших у народов Кавказа и тюркской этно-культурной общности. Так, легендарный основатель Карачая – Карча усыновил сына сванских князей Отаровых (Дадешкелиани) и состоял в «палочном» побратимстве со своими

сподвижниками – Будияном, Наурузом, Трамом и т.д. Нарт Сосурка, был усыновлен нартом Ёрюзмеком [Джуртубаев, 1991. С. 67], а богатырь Алауган – мифической женщиной-великаншей (*эмеген*). Сын Алаугана Кара-Шауай был «молочным сыном» (*эмчек джаши*) горы Эльбрус (*Мишъи Тау*), потому что в течение первых 6 месяцев жизни он, – говорится в легенде, – «держал ледяные груди и сосал их» [Дьячков-Тарасов, 1898. От. 2. С.79] и т.д.

Карачаевцам, как и другим народам Северного Кавказа были известны аталычество, побратимство, родство с повитухой и кормилицей, с другим домом и человеком, снимавшим покрывало с головы невесты, а также такие редкие формы псевдородства как патронат. Богата терминологическая база институтов искусственного родства, разнообразны методы их установления и т.д. Некоторые виды искусственного родства бытуют и в настоящее время, например, молочное родство, родство с «другим домом» и побратимство.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

Роли мужчины и женщины в семейно-родственной организации карачаевцев // Мужчина и женщина в современном мире: меняющиеся роли и образы (сборник докладов III Международной конференции по гендерным исследованиям, состоявшейся в октябре 1997 г.). Москва: ИЭА РАН, 1999. Т. II. Ч. V. С. 243-252;

О некоторых аспектах искусственного родства у карачаевцев // III Конгресс этнологов и антропологов России (8-11 июня 1999 г.). Тезисы докладов. Москва: ИЭА РАН, 1999. С. 70;

Побратимство в современном Карачае // Жизнь национальностей. Москва: Внешторгиздат, 2000. № 1. С. 57-59;

Установление искусственного родства при обрядах детского цикла у карачаевцев // Карачаевцы и балкарцы: язык, этнография. археология и фольклор. Москва: ИЭА РАН, 2001. С. 137-193.

© Институт этнологии и антропологии РАН
М.Д. Боташев

Подписано в печать 15.05.01. Формат 60x84 1/16

Объем 1,5 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 6

Участок оперативной полиграфии ИЭА РАН
117334. Москва, Ленинский проспект, 32-а.